

За несколько месяцев Чжун Цинжань понял, что для комфортной жизни в династии Великая Чжоу необходима хоть какая-то власть. Сам он не был заинтересован в том, чтобы стать чиновником, да и вряд ли у него получилось бы. Экзамены на государственную службу были подобны преодолению множества препятствий, и их сложность была огромной. С его образованием в художественной школе в современном мире, сдавать такие экзамены было бы бессмысленно.

Тело Чжун Цинжаня было ещё подростковым, но разум был взрослым. Ему было трудно снова погрузиться в изучение поэзии и классических текстов, как это делают дети. Его скорость обучения вряд ли была бы выше, чем у местных детей, и он не стал бы конкурировать с ними за место. Чтобы достичь своих целей, он мог лишь обратить внимание на свою семью и друзей.

Близкими братьями Чжун Цинжаня были только 5-й брат Чжун Цинхань и 6-й двоюродный брат Чжун Цинчэн. 6-й брат был ещё слишком мал, и его обучение было скорее игрой, а Чжун Цинхань уже был в подходящем возрасте для начала учёбы. Однако всё это было лишь желанием Чжун Цинжаня. Если они не захотят, он не сможет их заставить. Он понимал принцип «не делай другим того, чего не хочешь себе». Сам он не хотел идти по пути экзаменов, который был подобен узкому мосту, через который мало кто мог перейти, и не мог заставлять других.

Что касается Чжун Циншу и Чжун Чжунчжу, то они были похожи на его прежнее «я». Другие пути, возможно, были для них возможны, но стать чиновниками они точно не смогли бы. Пока что их таланты не были очевидны, и лишь время могло показать, на что они способны.

Кроме того, в семье Чжун был ещё один подходящий кандидат — дядя Чжун Чжэнсинь. К сожалению, Чжун Цинжань мало с ним общался, и ему было трудно судить, поэтому он решил пока оставить это в сторону.

— Третий брат, послушай, этот голос так похож на мамин. Неужели она снова с кем-то ссорится? — Чжун Цинхань держал за край одежды Чжун Цинжаня, его лицо выражало беспокойство.

Чжун Цинжань всё понял. Во время своего выздоровления он не выходил из дома, но слышал, как его мать громко ругалась с кем-то. На этот раз, услышав голос через переулок, он не удивился.

Чжун Цинжань изначально не планировал идти на рынок, но теперь ему стало любопытно, и он не удержался, свернув в сторону шумной улицы.

Было ещё только утро, до обеда далеко, и госпожа Мин только что пришла. Однако, как только она оказалась там, её взору предстало раздражающее зрелище: рядом с местом, которое семья Чжун арендовала вчера, стоял ещё один лоток, и, как назло, там тоже продавали улиток. Но это было ещё не всё. Женщина снизила цену на 1 вэнь. Это было уже слишком, и госпожа Мин не смогла сдержаться, быстро вступив в спор.

— Жена Хуншана, что это значит? Ты хочешь поссориться с нашей семьёй?

— Что ты говоришь? Я просто продаю товар. Разве только твоя семья может продавать, а другим нельзя? Соседи, посмотрите, как нагла жена Чжэнжэня! Неужели все дела должны быть только в её руках? Я так боюсь!

Жена Хуншана тоже была не из робких, и её быстрые слова разозлили госпожу Мин. Её грудь заметно вздымалась, а жена Хуншана, скрестив руки на груди, выглядела так, будто её

обидели, что ещё больше разозлило госпожу Мин.

Госпожа Мин поняла, что в споре она не выигрывает, и решила прибегнуть к своему проверенному методу — физической силе. К счастью, рядом были другие члены семьи Чжун, которые с двух сторон удержали её.

В семье Чжун госпожа Мин была самой неумелой в спорах, предпочитая действовать силой. Другие жёны, кроме тех, кто предпочитал не ввязываться в конфликты, тоже не отставали. 2-я невестка, госпожа Хун, была обладательницей острого языка, и сейчас она не могла позволить, чтобы её невестку публично унижали.

— Жена Хуншана, твои слова кажутся разумными, но на самом деле это полная чушь. Соседи, давайте разберёмся. Она хочет продавать товар, и мы не можем ей запретить. Но порядочные люди хотя бы сообщили бы нашему отцу, ведь способ приготовления улиток придумала наша семья. Это не слишком много, правда?

— Да, это правильно!

— Точно, согласен.

...

В это время на улице были в основном свободные женщины и дети, и поддержка нескольких человек уже была хорошим результатом.

Госпожа Хун не дала жене Хуншана ответить и продолжила:

— Это первое. Второе — это снижение цены. Я хочу спросить тех, кто продаёт на рынке, каково это, когда кто-то рядом с вами снижает цены? Тем более, мы все соседи. Разве так можно вести дела? Мать Шива, ты ведь согласна?

Мать Шива, стоявшая у мясного лотка, подошла посмотреть, что происходит, не собираясь участвовать в споре. Но теперь, когда её назвали, она не могла остаться в стороне.

— Конечно, сначала нужно поговорить, а если слова не помогают, тогда, хе-хе, все знают, что делать.

Жена Хуншана покраснела и побледнела, но всё же попыталась оправдаться:

— Это не территория семьи Чжун, я могу продавать по любой цене. Разве семья Чжун хочет подавить меня числом? Неужели вы хотите обидеть одну женщину?!

Теперь и госпожа Хун оказалась в тупике. Неужели придётся перейти к драке?

Вторую половину спора Чжун Цинжань видел как раз. Заметив, как его мать и тётки готовы к действиям, он хотел вмешаться, но опоздал. Младшая тётка, госпожа Ли, что-то прошептала на ухо госпоже Мин, и та сразу же улыбнулась. Она перестала торговать и, взяв госпожу Хун за руку, встала перед лотком жены Хуншана, как страж. Если кто-то хотел купить товар по низкой цене, ему пришлось бы сначала пройти мимо них.

Чжун Цинжань с трудом сдерживал смех. Он и не предполагал, что его мать и тётки, объединившись, станут в несколько раз сильнее.

Однако это было лишь временное решение. Улитки и так плохо продавались, а после такого

спектакля покупателей стало ещё меньше. При одинаковом качестве товара все предпочитают покупать дешевле, и это не вопрос морали, а просто человеческая природа.

Семья Чжун казалась победительницей, но на самом деле не получила выгоды. Чжун Цинжань понимал, что сегодня они могут удержать цену, но завтра это уже не сработает. Уже сейчас продажи пострадали, и лишь те, кому не важно 1-2 вэня, купят полцзиня улиток. Остальные, даже если хотели купить, теперь не станут. Дети, пришедшие одни, могли купить немного как закуску, но общая ситуация была не радужной.

Тем не менее, Чжун Цинжань искренне поддерживал действия госпожи Мин и других. Если бы они не смогли отстоять свою правоту, это бы их унизило. Теперь же они показали, что семья Чжун не боится конфликтов, и в будущем те, кто захочет перейти им дорогу, подумают дважды, прежде чем действовать.

Чжун Цинжань не стал вмешиваться, так как это было дело женщин, и его участие только усугубило бы ситуацию.

Жена Хуншана, видя, что немногочисленные покупатели заблокированы госпожой Мин и госпожой Хун, была в замешательстве. Она не могла в одиночку справиться с ними и не хотела звать на помощь, так как это означало бы полный разрыв с семьёй Чжун. Но она не могла просто уйти, ведь соус для улиток тоже стоил денег. Её глаза загорелись, и она быстро собрала лоток и ушла.

Госпожа Мин, увидев, что жена Хуншана отступила, почувствовала себя победительницей, гордо вернувшись к своему лотку.

Чжун Цинжань покачал головой. Это ещё не конец. Он взял у госпожи Мин одного красного рака и попросил знакомого ребёнка проследить за женой Хуншана, чтобы узнать, что она задумала. Красные раки были очень привлекательны для детей, и мальчик с радостью побежал за ней.

Деревня Хэвань была большой, и семья Чжун могла на время вытеснить жену Хуншана с рынка, но другие места были вне их контроля. Вскоре Чжун Цинжань получил сообщение от ребёнка: жена Хуншана ходила по деревне, продавая улиток. Это был действительно коварный ход, и с такими людьми было трудно справиться.

<http://bllate.org/book/16837/1548058>